

МИХАИЛ МАЗЕЛЬ

ШТРИХАМИ ПО ВОДЕ
НАЙСКОСОК

Михаил Мазель

Штрихами по воде наискосок

«Издательские решения»

2015

Мазель М.

Штрихами по воде наискосок / М. Мазель — «Издательские решения», 2015

Восьмой «хронологический» сборник стихотворений (декабрь 2007 — февраль 2012) складывался в трудное для автора время потерь и переосмысления 20-летнего на момент начала работы творчества. После полугодовой паузы начался поиск новых форм и решений, при этом автор оставался верен личной поэтической «клятве Гиппократата»: не навреди читателю. Этот сборник практически «от и до» — «выношенный»: каждый стих, как слонёнок. Многие стихи родились из переживаний трёх—пяти—десяти- и даже 30-летней выдержки.

© Мазель М., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

От автора	6
Априори	8
Аз есмь	10
Между видом и пейзажем	11
Да... так да	14
Бездевушка	15
Щавелевые щи	16
Акварель	21
О Сергее Савельеве	27
Крошечка – Хаврошечка, или На выставке	30
Повторяющийся знак	32
Витрина	34
Недоуменье	35
Мера неизмеримого	36
Бирюзовые глаза	39
На грани прозренья	41
«Эпатаж»	43
По крохам	45
Морщинка	46
Вступление к уроку рисования, или	47
Не с той ноги	49
Пропарывающая полог	50
Элегия	51
Запах ночи	53
Азнавур	54
Долька	55
Мать счастья	56
Дядя Коля	57
Корреляция (Привыкший к пониманию)	59
Энный полустанок	61
Иллюзия иллюзии	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Штрихами по воде наискосок

Михаил Мазель

© Михаил Мазель, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

© Михаил Мазель, текст, 2007 – 2012

© Михаил Мазель, фотографии.

© Михаил Мазель, оформление, 2012

Для контактов с автором: <http://www.mikhailmazel.ru>

От автора

Всем кого люблю...

Дорогие друзья!

Месяц назад я закончил большой четырехлетний труд: 8-й сборник стихотворений, который назвал, практически с самого начала, «Штрихами по воде наискосок». Фотографируя Замок Бельведер в Центральном Парке, я боковым зрением ухватил едва заметное шевеление воды на том берегу прудика, перед Замок у осоки... Возникла белая цапля. Я её почувствовал. Потом – заметил отражение, «прорисованное штрихами ряби». Именно тогда я и «увидел» будущий сборник. А фото с цаплей я поместил на обложку книги. (Стихотворение «Мера Неизмеримого»).

Наверное, стоит в двух словах описать, что происходило со мной «до этого». С самого начала 2006-го года по декабрь 2007-го мне писалось. Писалось настолько продуктивно, что я испугался: за два года – больше чем за предыдущие 5 лет. Я писал так много, что сейчас, листая те стихи, не узнаю некоторые из них. Кроме пары блогов в интернете, я сейчас практически нигде не публикуюсь и не выступаю. И нечитанные никому вслух отдельные стихи забылись...

Уж и не знаю, от страха ли «откуда и куда я несусь», к концу 2007-го года я понял, что добежал до вершины холма и оказался у обрыва. Чтобы взбираться на следующую гору, надо было сигануть с этого обрыва и пересечь пустошь. Что я и сделал. Прыгнул и около полугода провел в состоянии пустоты и тщетного поиска, пока не повстречался с белой цаплей. Были стихи и в этот период, но большинство я отвергал. Мне хотелось нового.

А еще я осознал, что те «истины», на которых я рос и вырос, стали, во многом, фантомами. Не то чтобы я этого не сознавал раньше: я совсем не идеалист, совсем не... но, видимо, в силу моих обстоятельств, в силу того, что я больше живу в мире, который создаю сам, а мои контакты с внешней средой сильно сократились – всё это было очень болезненно. Дело не в том, что уже скоро как двадцать лет я в инвалидном кресле. Тут, в Нью-Йорке, я вполне свободен в передвижениях. Правда, мои передвижения больше связаны с поиском природы для фотосъемок.

Важно отметить, что первые 4-ре сборника составлялись мною именно как «книги стихотворений». Стихотворения в каждой из них охватывают периоды в несколько лет и перетасованы по главам. Все 4-ре книги выстроены в некий сюжетный ряд... возможно понятный мне одному, хотя хочется надеяться, что не только мне. Начиная с 2006-го года, с пятого сборника, я понял, что не хочу или не могу продолжать ТОТ «роман», и 5-й сборник я оставил и озаглавил «Как есть»... Так случилось, так и продолжается. Я публикую стихи «как есть» – подряд.

В октябре этого года я отмечаю 25-летие первого стихотворения. Первые годы я писал в основном спонтанно. Я много искал, экспериментировал, но всё же большинство строк вырывались на волю легко и непредсказуемо. 8-й же сборник практически «от и до» – «выношенный»: каждый стих, как слонёнок. Многие стихи родились из переживаний трех—пяти—десяти и даже 30-летней выдержки. Например, «Секреты Прядения». В 17-летнем возрасте, прослушав все сонаты Бетховена, влюбившись в 17-ую, я подумал, что умей – я бы сочинил стихи. Писать я начала через 3 года, а строки пришли через 27 лет.

Эти 4-ре года были трудными: много утрат и, увы, не только моральных. Но я старался оставаться верным моей «личной» клятве «Гиппократата», которой я придерживаюсь в творчестве. Пускай я сам сейчас потерялся и сознаю, какие нерадостные процессы происходят и в обществе, и в культуре, и в сознании людей, и, что самое ужасное, в душах: мой путь, не зарываясь в песок и не приукрашивая реальность, всё же как-то помогать людям находить и маленькие радости, и проблески света, пусть не в конце тоннеля, так хотя бы в малом. Во мно-

гом мне морально очень помог фильм Олега Дормана «Подстрочник» и Лилианна Лунгина. В сборнике есть три стихотворения, ей посвященные, и я хочу закончить это вступление строками одного из них: «Вся человеческая мудрость».

До свиданья!... В чём смысл сей рутины?

В двух словечках: «надейся и жди!»

Ваш Миша Мазель.

4 марта 2012 года. Джерси Сити.

Априори

Время сравнивает всё...
и горе —
таков закон.
То, что осыплется вниз,
уже не свернётся в кокон.
Чуть раньше, тоскуя,
увидишь ты из окон,
как по весне
берёзы завьётся локон.
Но ты встречаешь страхи
за клоном клон
со dna выдавшей и не такое
глухой пучины.
Пора настала отвесить низкий
незлой
поклон.
Совсем не повод на брудершафт глушить с
кручиной.

Закурим?.. Можно.
Ведь курам на смех такая грусть.
Любовь такая, как хруст костяшек минутой после.
Мой верный ослик кивает,
словно приняв игру,
из уст твоих не слышал странный
призывный посвист.
Закурим?.. Ладно!
Я знаю – бросил.
Не говори.
Ведь пальцы щелкнут совсем без хруста.
Так...
априори.

О, не дари мне сегодня ночью аквамарин,
хотя и с этим, как и со многим, не станут спорить
Мой верный ослик стоит под дверью.
Верь иль не верь.
Как звали женщин?..
Опять накатит по полной мере.
Сравнивает время и даже это. Исчезнет зверь...
Я вспомнил имя!
Ты вспомнил имя?
Не надо...
Перья?
Зачем,.. не чая, за чаем взгляды, суча, бросать
за взмах до вздоха, за вздор до хора

прощальных взмахов.
Сравнивает время и боль и горе.
Падёт роса.
И всё вернётся:
и та же кухня, и те же страхи.

9 декабря 2007 года

Аз есмь

Вере Полозковой

Новость не в том, что я здесь.
Новость не в том, что «всегда»
самая странная взвесь,
пылью в которой – года
плавают в жидкости слов,
ловко взмывая со дна...
Новость не в том, что я весь.
Сказано было «Аз есмь».
...Новость пребудет одна.

Вечно под надписью «вход»
подданным собственных лиц.
Пятнышки нотного **ГО**.
Ходики выведут «блиц».
Стенки разверзнутся, и —
вниз или вверх. В никуда?
В этой Галактике мысль,
что в пустоте слово «высь».
Взвесь,.. Это только руда.

Только опять пузырьком
что-то взметнётся от нас.
Ты не свернёшься зверьком
в правом углу полотна.
В горле не выдох, не ком.
Веком не **вы**мерить жизнь.
Бьётся пинг-понговый шар.
«Выход». Застыл, не дыша.
...Господи! Только скажи...

16 декабря 2007 года

Между видом и пейзажем

Деревья, как люди, соединяют Землю и Небо.
Вернее люди как деревья.
А я не знаю: верю я им или не верю.
Я снова ищу двери.
Сколько можно.
Я поместил отдельные – на обложку,
Причём не одной книжки.
 Деревья подвергли стрижке.
 Чтобы не пропороли?
 А я вспоминаю пароли, теряя проходы.

Деревья восходят из камня.
Они ветвятся, как память.
Их окружают здания,
а я поражаюсь незнанию,
и жалость вплетается в выдох.
 Пейзаж становится видом.
Я мог бы заделаться гидом.
 И был бы последним я гадом,
 когда бы я принял...
Не надо!

* * *

А кто-то идёт по карнизу.
Его не увидим мы снизу.
И ложь, что умеет летать он.
А камни... Неужто питательны?
 Но люди растут, как деревья,
 мужая, мудрея, старея,
 из камня, из неба, из слова
 (порою даже из злого).

Отдельные личности к небу
растут, разрушая поребрик.
Иные вырастают и в землю...
И этому тоже я внемлю.
 Но вид оживает пейзажем.
 Ау, кто сегодня на страже?..

18 апреля 2008 года

Да,.. так да

У меня на грязных пальцах десять розовых ногтей.
Оттереть их не пытайтесь... Мало вам других затей?
Ведь не так я много лазил, экая для вас беда.
И совсем я не чумазый: неумытый. Да,.. так да.

И пускай пока на свете я прожил всего пять лет.
Попрекать нечестно этим... и количеством котлет.
Я всегда успею взрослым сделаться: таким, как вы.
Стать им, право, очень просто
в этих зарослях травы.

Мама, папа, дяди, тети разлеглись, напудрив нос.
Их нисколько не заботит
каверзный, как Мир, вопрос.
И совсем с них не убудет, не преодолеть запрет.
Невдомёк всем этим людям то, что я храню секрет.

У меня на каждом пальце десять песенок живут.
Если очень постараться, выбор будет *пресловут*.
Я ношу быстрее ветра, солнцу подставляя нос.
Взрослым я шепчу: – Не верьте,
что ещё я не подрост.

У меня на каждом пальце десять солнечных лучей.
Знаю я секреты счастья. Знаю я, что мир ничей.
Я сыграю серенаду искоркам на шкурке трав.
Я промчусь быстрее торнадо, ничего не поломав.

А секрет мой проще репки и рыжей моих кудрей.
Он висит на ржавой скрепке...
Если хочешь – мне не верь.
Только каждым божьим утром
он подмигивает вновь
солнышком смешным и мудрым,
приподнявшим в небе бровь.

6 мая 2008 года

Бездевушка

Я не врун и не обманщик.
Не пускаю я туманы.
Я – весёлый балаганщик,
наполняющий карманы
уймой гаек и стекляшек
и неясных безделушек.
Я в душе бездонный ящик.
Я ещё умею слушать.
Вы не верьте. Вы ругайте.
Обвиняёте в пустобрёхстве.
Вы другого настругайте.
Вы с собой ищите сходство.
Я смеяться буду, с грустью,
выдаваемой глазами.
Только пальцы тихо хрустнут.
Кто я?.. Догадайтесь сами.

Нет – совсем не Буратино.
Просто вечный мальчик Миша.
Нарисована картина.
Балаганчик. Кто-то вышел.
Только света луч прорезал
черноту диагонально.
Словно ниткой, тонким срезом
к небу тянутся желанья.
Чувство выпало из сотни,
слово выпало из тысяч,
словно тень у подворотни
я его пытаюсь высечь.
Вертит рукоять шарманщик.
Песня плачет и шаманит...
Я не врун. И не обманщик.
Шут, танцующий в тумане.

8 мая 2008 года

Щавелевые щи

— I —

Моя муза носит очки
(незначительный минус)
и длинные волосы.

А я, признаюсь вам, — сдвинулся.
Я почти умираю
от её голоса.

Она
невысокого роста
и худощавая.
Она лучше всех готовит
щи из щавеля.

Свою собаку она
называет Авелем.
И это правильно,
что она
считает меня сумасшедшим...

Привет всем подошедшим.

* * *

Мою музу зовут Алёна.
Она живёт в центральном районе
нашего города.
А я
отпустил бороду.
Небольшую.
Уже лет как пятнадцать.
И я рад стараться
уколоть при случае
в щечку.
Я всякий раз ищу щёлочку
в её серьёзности.
(Есть у меня и другие особенности.
Улыбка... и отсутствие собранности).

* * *

Иногда мне почти удаётся...
Но всегда остаётся
поле
для новых попыток.
И это совсем не пытка.
Кстати
и Алёна не жалеет напитка
своего поцелуя,
хотя не часто балует...
и это правильно.

Ведь поцелуи – отравлены
моей нерешительностью.

Отчасти она простительна.

Но...

длительность ожидания становится ощутимей.
Как ветер.

* * *

Алёна без сомнения светит
(в университете, и на работе).
И её совсем не заботит такая солнечность,
как и соло на флейте,
к ужину...

Она просто простужена.

А я как будто контуженный:
сперва с рождения, а потом и ею.

Я, по правде сказать, *шизею*.

И не от взгляда и вздоха —
от шороха.

От бровей над очками.

И всполохи

затмевают и взгляд, и сознание,
и так уже мающееся скачками,

что прибавляется к моим странностям

в вечернем свете.

(Спрашивается – куда же больше,

А всё туда же).

Я припрячу, пожалуй, пряности.

Я обожаю щавель, и не переносу

петрушку и спаржу...

– II –

Я спрятал Алёнины очки, и она

идёт и щурится.

Ей кажется,

что на неё смотрит вся улица.

Улица,

может, и смотрит.

Что мне она.

Мне она

не видна,

хотя зрение было нормальным.

Улица ведь

нереальна,

когда на ней...

Ясное дело, что видней

мне кусок за Алёной.

Всё остальное – покрыто плёнкой

Так странно,
что я её заметил.

И почему так светел
этот вечер?

Это он
расправил мне плечи?

– Мишка,
мой взрослый ребёнок.
Что случилось?

– Выходи за меня замуж!..

* * *

Получилось?

* * *

Пёс Авель
лежит на кабеле, который
я тяну к компьютеру.

Сегодня четвертое.
Утро.

Мне кажется.
Мне это часто...
Что части
реальности сглаживаются
время от времени
в завихрениях
моего воззрения.

В очках у Алёнки отличное зрение,
но даже в очках Алёнка меня не гонит.

Неужели?..
Неужели я понят...

– III –

У неё в рюкзаке моя книжка.

А я
изучаю стрижку,
которой нету.

Мой разум
сплетается в косу
совсем без спросу,
как и её волосы

в моих руках.

И я затерян в *веках*.

Или в *веках*.

Я

их целую.

Я в реку вхожу

вторую.

Ищи, где я – свищи.

– Алёнка...

– ?!

– Сготовь нам щи.

Будь другом...

Ребята, я не хочу из круга

1 – 9 мая 2008 года

Акварель с ползущей по стеклу пчелой

*...выборка в программировании баз данных коротко называется
«квери»*

— 1 —

Я не вру,
даже когда сочиняю.
Парадокс или опыт?
...то дверь хлопнет,
то пчела влетит в форточку,
а кто-то мокнет
и счастлив,
сидя на корточках
под ливнем в скверике,
и части нового «квери»
складываются
в новое чувство
или поэму
на вечную тему.
Других ведь нету.
А где-то,
где-то не здесь
отчаливает фрегат,
прикинь... или взвесь
(каждый
и так богат).
Но бескрайни просторы моря,
пока я мокну, не споря с тем,
кто водит моей рукой,
пока нарушаю твой покой,
пока ползёт по стеклу пчела
из вчера.

— 2 —

— Ты кто?
— Я поэт. А Вы подумали, пьяный
или чокнутый.
Вы угадали... но умоляю —
смокните
минут на
десять.
Я теряю рифмы.

Да нет тут никакой нимфы.
Есть состояние.
Помокните со мной,
 обливаясь слезами,
 которых не видит
 и тот, кто любит,
 и тот, кто нет.
Вы шутите... кабинет.
Конечно, писатель, но
Вы же видите – чокнутый...
Всего хорошего, и
 ради Б-га, не мокните
 без тренировки.
Я пошутил.

Да нет. Это не стиль...

— 3 —

Машины ползут с парковки.

Скоро вечер.
 Пчела улетела.
Кузнечик выполз
 на мокрый асфальт.
Чуть слышен надрывный альт.
Юрий Башмет
 по телевизору?..
Ему
 достанет сноровки...

Солнце ползёт карнизами.
Солнцу хорошо наверху,
а мне —
 неплохо снизу
(чешущему ручкой в макушке).
Каждому своё:
 поэту, кузнечику,
 девушке
(той самой,
 у которой пчела),

Ах, да... то было вчера.

— 4 —

Странный какой-то тип:
весь вечер сидит под дождём.
Кого же он ждёт,

Зинку или Марьяну?
А может быть, просто пьяный?
Не похоже.
Совсем не рожа.
Симпатичный.
Да и одет прилично.
Может быть,.. поэт?
Тривиально.
А почему бы и нет?..

Опять эта пчела.
Возможно, та, что вчера...
Я не люблю вечера.
Позвать, что ли, этого типа?

Опять влипну.

— 5 —

Вот и кузнечик упрыгал.
Мда...
Я всё же не рыба.
Надо пойти просохнуть.
Солнце зашло и
уже холодно.
Романтик, блин...
И не поможет мне клин.
Только усилит.
Такому
нужна кандидат, как минимум.
Интересно,
вон та у окна...
Линии её профиля внушают,
но...
Чувство голода
возвращает меня к реальности.
Не нужно крайностей:
влюбляться в профиль
на фоне заката и отражения.
Стакато.
Потом скольжение.
Аплодисменты. Бис!
И тот же карниз,
за которым садится солнце.
Только последние кольца
тают в окне.
А она – реальна.

Вполне.

Всё. Хватит.

Простудиться – совсем не катит.

Ушёл.

– 6 —

Марьяна, посмотри в окно.

Ты видишь странного типа?

Рядом с беседкой.

Он снял квартиру моей соседки?!

Когда?

Вчера?!.

А откуда такие сведения?

Сама сказала?

Интересно. Не знала, что она

укатила в Париж.

Ну ладно.

Иди, обедай.

Что говоришь?

Да так – любопытство.

Он под дождём сидел.

и писал что-то.

Необычно. Не так ли?

Неистовство?

Идеи иссякли.

Да нет, уже не видно.

Б-г с ним.

Да...

Зинка бывает скрытной.

Поговорим.

– 7 —

Я совсем окосел

от этих экспериментов.

Может, хватит?

Ну, лето – конечно, лето,

но простудится – раз плюнуть.

Я вроде на пять минут присел

(дунуть

в строчку),

а теперь сорочку

надо выжимать (со мной).

Нет...

точно пора домой.
Кстати...
Где он?
Кажется, этот.
Я, без сомнений, с приветом:
ведь незнакомка – моя соседка,
а у меня не крыша – беседка
(причём дырявая).
Вот как эта – большая с краю.

Соседка.
Что-то меняет?

– 8 –

– Здравствуйте
– ?!
– Вы здесь живёте?
А где же Зина?
Уехала в лимузине?
Вы что, поэт? Или шутник?
Поэт, но только без шляпы?
А я... кандидат... растяпа...

Захлопнула дверь.

Не смейтесь.
Вы уверены, что сумеете?
Через балкон? Мама...

Ой, Вы же совсем промокли.

Мне так неудобно, прямо.
Вы тоже упрямый?
Нет! Сперва переоденьтесь.
Куда же я денусь.
А вы?
Пойдёте с приветом?
В сухое!!! Неважно, что лето.
О да, я люблю Башмета. И...
Раз нас связала случайность
(длинная пауза),
позвольте попотчевать чаем.
(Поклон)
Я так волнуюсь...
Через балкон.

– 9 –

Я не вру.
Даже не сочиняю.
Если только
самую малость,
переноса реальность
акварелью слов
в записную книжку.
Сорокалетний мальчишка,
лазающий по балконам.

Детали моего «квери»
да сложатся благосклонно.
Мечтатель...
Отчасти.
Конечно:
«квери» лишь взгляд на вечность.

Пчела...
До чего упряма.
Всё это, пожалуй, не странно,
как строки,
что вы прочитали.

Взгляд нежно скользит вдоль талии,
соскакивает на одеяло.
Сердце
стучать перестало
в давешнем бешеном темпе.
В стихах появляется темпера,
и в пляске всех «да» и «нет»
опять возникает Башмет.

(Я должен купить его диски!)

Далёкое сделалось близким.

— 10 —

Пчела шевелит головкой.

Перед Зиной неловко, хотя
я заплатил на год вперёд.

Тише!...
Она встаёт.

10—13 мая 2008 года

О Сергее Савельеве

I

Уходит в снег Сергей Савельев.
Размерены его шаги.
Навстречу, будто птичьи перья,
слетает с фонарей неверье
и тени поднятой ноги
бросаются назад.

Б-г в помощь.

На улицы пролилась полночь.

Она свои выводит па,
почти плюя на снегопад,
но и не ею мир заполнен,
а чувствами...

Добро и зло,
как вдох и выдох,
пьются залпом.

Светло.

Савельев снова запил?
Нет.
Лишь на вид всё так и есть.
Сергей пытается прочесть
послание промеж снежинок,
и он уже не одинок.
Пусть не дверной —
звенит звонок
случайного, как смех, трамвая:
ты в снегопаде не зевай.
Не слушай шепот: – Наливай.

Не охнешь, как во тьму сметут:
распорота небес перина.

Сергей Савельев «дома» тут
среди снежинок, иже с ними.

II

Не наложить на душу вето,
на устремления её
(Сергей Савельев ведь не пьёт).
Сергей идёт из магазина,

Оттаять дай ему
сейчас.

Вы знаете, который час?

18 мая 2008 года

Крошечка – Хаврошечка, или На выставке фотографий в жанре Нью

1

Две модели.

Одна с бритым лобком,
другая с волосатым...

Остановился.

К полотнам боком.

Курсантом.

Такой пехотинец морской...

Без беретки.

Одна брюнетка.

А вторая – блондинка.

Курсант – посерединке:
крошечка такая Хаврошечка.

В чьё бы ухо влезть...

(Или не в ухо?)

Молчу – молчу)

Становлюсь Винни-Духом

(Рабом бутылки).

В голове, увы, не опилки,

а ожидание.

Сам себе загадал три желания.

Загадывать их дело не хитрое,
а выставка аж до пяти открытая,

и я – только в начале.

Курсант, говоришь?

Укачает...

2

Две модели.

Одна белая, как мрамор.

Другая – бронзовая.

Курсант не выходит из образа
поэта,

который замер

пред лирикой

чьих-то камер...

он прячет мужское начало,

я – факт, что меня укачало,

и поиском рифм прикрываюсь...

Я каюсь, что не притворяюсь.

Всю жизнь воспевал откровенность.
Иною пленился в мгновение.
Два полюса: белый и смуглый
загнали фактически в Google
души моей... в дикую прерию
забытого в прошлом неверия.

По лезвию бритвы меж ними,
по грани... бреду глупым мимом.
Но бритва пока что не ранит,
и это приятно и странно.

3

Два ангела.

Две статуэтки.

Попали в меня очень метко...

Смеюсь:

неужели влюбился?

Гляди,

как в блокнот устремился.

И дело не в теле потрясном,
не в образах дивных и разных,
не в том, что я всё же мужчина.
Не в доводах и не в причинах.
Не в том, что влюбляться напрасно...

А в том, что есть в жизни прекрасное.

19 мая 2008 года

Витрина

Как хорошо прозрачным утром
брести по скованной тропе,
морозу подставляя куртку,
как он, слегка оторопев.

Мир, замеревший на витрине,
ждёт появления тепла.
Деревья укрывает иней.
Тропа бела. Печаль светла.

Так славно, в каждый шаг вливаясь,
ловить... сперва полутона.
Потом созвучья. Будто сваи,
мир подпирает пелена.

И день, деталями рисуя,
проступит. Бледный позитив.
И всяк, кто замечать рискует,
не избежит сего пути.

2 июня 2008 года

Недоуменье

Вся наша жизнь – недоуменье.
Один сплошной вопрос – «Зачем?!..»
Гармония – моё именье,
и вне его – я глух и нем.

Я – раб изысканного лоска,
тону туманом в щетках нив,
и делаюсь я отголоском,
и только в этом не ленив.

Мне оттого слышнее лето,
и осень явственнее видней.
Я просыпаюсь из буклета,
и чувством остаюсь на дне.

За эту сладостную горечь
я вас прошу меня простить.
Вращенье неба не ускорив,
дождь продолжает моросить.

И это, право, очень просто,
проститься, снова возлюбя...
Тогда отвалится короста,
наивней делая тебя.

2 июня 2008 года

Примерно так: из звуков и песка
на первый взгляд фривольным пересказом,
взволнованным движеньем плавников,
твоей печали тайных двойников.
И нету ни побед, ни поражений.
Штрихами по воде наискосок
река рисует цапли отраженье,
да с неба снова снег или песок.

Какая глупость быть на волосок
от осознанья.

Цапля вновь уходит?

Но что тогда мелькает?

Тут. И там.

Порой помногу раз

одновременно,

как девушка в видениях твоих.

Волнующий осоку ветер стих.

А ты всё ждёшь, когда она качнется

за ночь до объяснения в любви,

за ноту до рождения сонаты,

и всплеск до лицезренья наготы.

За век поднятие до смены «Вы» на «ты».

За тремор до секундного тик – так.

Примерно так.

15 мая – 13 июня 2008 года

Бирюзовые глаза

Я средь знакомых слышу оптимистом,
с юности всех приучаю к улыбке.
Светловолосая муза... искристым
взгляд мне твой кажется. Точно не зыбким.

Светловолосая муза печали,
что тебе наши беззвучные слёзы?
Ты обо мне на углах не кричала.
Я о тебе не писал даже прозой.

Так почему твоих глаз бирюзовых
нет... вдруг почувствую тайную ласку.
Я не стремлюсь быть почётным призёром,
не придаю наши встречи огласке.

Так для чего ты за мною по свету
следуешь, чувство вины сберегая.
Стан твой, обтянутый мягким вельветом,
в бездну меня без протеста ввергает.

Светловолосая муза печали,
я в тебя прочно наивно влюбился.
Я без тебя свои строки не чаю.
Я не сличаю. Я словно напился.

Бережно плеч твоих хрупких коснулся.
С шелестом ветра ты снова исчезла.
Мальчик, похоже, опять улыбнулся.
Кто-то взмахнул в тишине своим жезлом.

17 июля 2008 года

На грани прозренья

...Жене Г.

А вы когда-нибудь швыряли
лампочки о стены подъезда,
без мыслей и без подтекста,
без задних... прозренья на грани?
Ранимость не может быть ранней,
Как Аней не может быть Рая.
Обида от чпока сгорает.
Осколки врезаются в память,
как лампочки взорванной пламя.

Вы били бутылки о стены
московских облезлых котельных?
Спускали к трамваям запруды
по склону из лужи извечной,
вагоновожатым переча?

Вы лазили в форме на стройку
к прорабам суровым и строгим?
Вы жгли на помойках диваны?
Тогда вы знавали нирвану
хмельного московского детства.
(Его уже нет по соседству.
Иным наливаются гроздья...)
Ранимость не может быть поздней.

Вы бегали в марте по пруду?
Тот треск я вовек не забуду.
(Вот льда или наста?.. Неважно.)
Ранимость случилась однажды.
Лежат на ранимости льдины.
Там Олей не может стать Дина,
и многое сделаться явным.
Ранимость, как детство, реальна.
Ранимость, как детство, наивна.

Её воплощения – дивны.

Но Верой становится Надя.
Порою на час. Когда – на день.

И каждую кличу я Любой.

Ранимость не может стать грубой.

Она нас толкает по свету.
Ни звука, ни вкуса, ни цвета.
Стихов не покажется мало.

Я Галю боюсь назвать Аллой.
Моргает звезда в поднебесье
припевом сложившейся песни.

* * *

А вас когда-нибудь били
по челюсти? Без причины.
Вы чувствовали себя дурачиной,
зная, что правда Ваша?
Хоть Ликой не станет Наташа
печалиться глупо... и блёкло,
как, впрочем, слоняться по стёклам.

Обида бывает прогорклой.
Смердит как болото неправда.
Но больше других тебе надо.
Под солнцем палящим незримо.

Ты ждёшь, как спасенья, ранимость.

17 июля 2008 года

По крохам

Когда душе темно и неудобно
и целый мир покажется толпой,
закрой глаза, представь журчанье лютни
с гитарою... И пусть наперебой
тебя терзают лапки чьих-то вздохов
и занавески дышат и дрожат.
Пусть новый путь, воссозданный по крохам,
не пробудит желанье убежать.

Когда душе темно и неудобно —
то знак, что надо снова стать сильнеей.
Крупинками дождя текут минуты,
струной гитарной лопнув на стене.
А в зеркале мелькнёт не то виденье,
не то ты сам: прозревший и немой.
«Я снова здесь, по твоему хотенью.
Разжмурься и лицо скорей умой...»

Когда опять не найдены ответы
из бездны, называющейся «я»,
взмывают светлячки навстречу ветру
и кто-то рядом шепчет «я – твоя».
И снова лица. Лица, как минуты.
Ты где?... В ответ – неуловимый взгляд.
И не могу сказать, что неудобно.
Лишь занавески мерно шелестят.

23 августа 2008 года

Морщинка

У поэта (по идее) должна быть женщина.
Не будем поминать её имя всуе.
Морщинка метнётся под чёлкой трещиной.
Воображение – её подрисует.

Не то чтобы я предлагал поэтам влюбляться,
терять, страдая неопределенностью.
Смеяться и плакать – забава паяцев.
Паяц ли поэт? Возможно, не полностью.

Не стоит скрывать имена бывших возлюбленных.
Игра словами ведётся в открытую.
У края пропасти стоит несрубленным
тростинка-дерево. Ты рядом... с бритвою.

А трещина, которая не твоя морщина,
порою расширится, а то исчезнет.
И если дорога снесёт всех в лощину,
подстрочник всё так же останется бездной.

30 августа 2008 года

Вступление к уроку рисования, или Идущим против моды

Сомнения нынче не в моде.
И стыдно о быте и хлебе.
О хорде, погоде и вере...
Есть люди, которые «через».
(Все выводы будут без «вроде».)
Не дальше, не ближе. Вне сути.)
Есть люди... Не спорьте! Есть... люди.
Берите перо и рисуйте.
Рисуйте: оно не убудет.

Есть люди – открытые двери.
Есть люди – горящие окна.
Есть полосы радуги в перьях
и те – кто проколами всходит
по краскам на фоне заката...
Их свет в души стрелами воткнут.
Те стрелы выводят стаккато.
Проняло? Попробуйте охнуть.

* * *

Нам часто все кажется мрачным.
Что? Мало быть просто пронзенным.
Да здравствует неоднозначность,
что мудрости лучше казённой!

О чём я? Вам это так нужно?
Допустим, о людях. Таких же,
как вы или ваши соседи...
(я весь в несклоняемом «иже»)

Я в новеньких трубах из меди.
Мелодия по небу льётся.
Мы плачем и после смеёмся.
Надеюсь,.. звучит не натужно.
Страхните прилипшие стружки.

Как будто вскормили нас грудью.
Глядим мы тепло и не строго.
Рисуйте – оно не убудет.
Рисуйте себя и дорогу.
Нас залпы далёких орудий
смотреть заставляют на солнце.
Есть люди. Есть люди. Есть люди.

Нам страшно... Мы все незнакомцы.

* * *

Кто плачет, тот чисто смеётся.
И нужно ведь очень немного.
Пусть небо едва встрепенётся
на зеркале речки пирогой.

Рисуйте. Оно не убудет.
Рисуйте трубу и колечки.
Ваш труд, без сомнений, осудят.
Есть люди. Но вдруг... станет легче?

Раздвинуты ржавые прутья.
Мы вылезли в поисках сути.
Мы шепчем (не Б-ги, не судьбы):
есть люди. Есть люди. Есть люди.

23—29 августа 2008 года

Не с той ноги

*«Кончается четверг и дождик мелок...»
Из песни дуэта «Иваси»*

Г. Васильеву и А. Иващенко

Всегда четверг в моём смешном жилище.
Сплошной... И никакого вам сурка¹.
И дождик, что по строчкам ночью рыщет,
не стихнет в ожиданьи ветерка.
И я, смешной наивный странный мальчик,
чешу во сне седеющий висок.
И тени по углам не обозначат
тот смысл, что ускользнёт наискосок.

Всегда четверг в моём волшебном доме.
В любой стране мой дом до боли схож
с придуманною мною идиомой...
Не говори, что дождик этот ложь.
Пусть не всегда является нам правда,
и чехардой мелькают четверги:
мне не смешна уже моя бравада,
и я всегда встаю не с той ноги.

Но, несмотря на эти огорченья,
я никому четверг мой не отдам,
и, высказав дождям своё почтение,
сольюсь со сном грядущим без следа,
чтоб новым четвергом, с утра проснувшись,
припомнить запах вымытых волос², —
по-юношески быстро потянувшись,
того мальчишки вдруг не выдать слёз.

8 октября 2008 года

¹ Отсылка к фильму «День Сурка» (*Groundhog Day*)

² Отсылка к стихотворению Давида Самойлова «За городом»

Пропарывая полог

С высоты падения кумира
отбиваешь собственные почки.
Мир опять прогнулся на шарнирах,
и вдали пугающе грохочет.

И до боли хочется не верить
собственному опыту и знанию.
А стихию точно не умерить
гордостью, с которой рвётся знамя.

Боже, не суди меня за глупость,
за упрямство, с коим год от года
я по глобусу вожу карманной лупой
и как-будто кличу непогоды.

Я ищу кумирам оправдания,
применяя ихнюю науку,
и свежо забытое преданье,
и не треснули ещё тугие луки.

Так стрела, пропарывая полог
неба
 к нам летит
 с раскатом грома.
От прозрения к смятенью путь недолог,
как к тринадцатому чёрту в бочку с ромом.

Создавая, вопреки запретам,
сами же потом и низвергаем.
Что?

 Привет...
 Ну,.. и сиди с приветом!
Посмотри, в окне уже сверкает...

Но с улыбкой, отрясая перья,
вглядываясь в молний арабески,
я прижмусь спиною к мокрой двери
и нырну под дождь синхронно с треском.

20 октября 2008 года

Элегия

...памяти

Муслима Магомедовича Магомаева

В этом Мире мало настоящего.
Может, небо... дождь и ветер... сны и женщины.
В этом мире заменили Б-га ящиком,
и не видят мелочей, что нам завещаны.
Даже чуткие – и те не видят многого,
большинство пытаюсь расшевеливать.
И взбираются мечты на свет отрогами,
хоть боимся мы в них искренно уверовать.

Но вращается Земля и дети рождаются.
Пусть тебе и неуютно в новом времени,
все дороги к этой точке сходятся,
и забыл ты код от камеры хранения.
Так что и не стоило печалиться:
привыкай и пробуй тут освоиться.
Облака, как лодочки, качаются...
Привыкай, не то печаль удвоится.

В этом Мире мало настоящего
и его не Б-ги – люди делают.
Одиночество – понятие щемящее.
Обжигание горшков – деянье смелое.
И глядим мы на решившихся ... Течение
нас несёт, но нам не страшно в новом времени.
И, свидетельствуя шепотом почтение,
мы хотим поверить в то, что тоже смелые.

В этом мире, к сожалению, всё не вечно.
Всё, включая чувство одиночества.
Облака проносятся навстречу нам.
Им, наверное, лететь навстречу хочется.
И куда им видятся прощания
с теми, кто Мир делает прекраснее,
им смешны все наши увещания.
Но мы верим... Значит, не напрасно всё.

25 – 27 октября 2008 года

Запах ночи

...Марине

Сегодня сильнее обычного пахло осенью,
и дожди бесились, а к вечеру стихли.
Я (сегодня) почувствовал себя дросселем
в цепочке сигналов... Асфальтом рыхлым,
покрывшимся листьями, беседуя с каплями,
наматывался на свои мысли, бредя,
ботинками по осени шмякая,
и назад не глядя, как будто бредя...
Ну, Федя Федей, хотя известно, что Миша.
Открытие Америки, на тебе – эврика...
На меня роняли слезинки крыши
и приветствовали дворы и скверики
строчками нового стихотворения,
как обычно грустного, но светлого.
И я становился частью черничного варения,
приветствуя улыбкой касания ветра,
на скулах и лбе. И опять (не смейтесь)
подумалось, что прошлое рядом, и новое
создаётся нами игрой на флейте
(обычной флейте... немножко рёве)...
А дождик, который сегодня был девушкой,
касался щёк моих не каплями, а кончиками
волос. И я считал касания. И хлебушек
клевал промокший птах, и пахло ночью.

25—26 октября 2008 года

Азнавур

*And I'll go to the sea as I'll sail to freedom
at last...*

(Emmenez-Moi)

Маленький человек на огромной сцене.
Маленький человек в чёрном костюме.
Чёрные брови. Седые кудри.
Глубокий взгляд... Моё безумье.
Я вдруг понимаю, что в жизни ценно,
и кто поёт, а кто нам пудрит
мозги и души. И непременно
я верю: где-то мы встретим мудрость.

А маленький человек взмахнёт руками,
и я исчезну. И зал исчезнет.
Я не спрошу, что случится с нами,
пугаясь, встречусь я взглядом с бездной.
Там, различая мельчайший камень,
солюсь в движеньи своём с тенями.
А тени сделаются веками
и крылья сделаются руками.

Но маленький человек посмотрит. Снова
затихнут звуки, взрывая чувства.
И захочу я уехать к морю.
И это море не будет грустным.
И словно в трансе, поддавшись зову,
луч света танец продолжит к шторе:
на полутёмной бездонной сцене
Любови вечной в том танце вторя.

19 ноября 2008 года

Долька

Художница, которая даётся,
куда милее той, что матерится.
Привычка не плевать на дно колодца
тебе в дальнейшем вряд ли пригодится.
«Когда и с кем?» – бестактнее «За сколько?»...
А всё же классные у ней сейчас сапожки.
Так апельсин съедается по долькам.
Так взгляд скользит туда, откуда ножки.
Затык совсем не между «хочет-может».
Загвоздка далеко не в «нафиг надо».
Художница, прекрасная на рожу,
опять милее, повернувшись задом.
И я, такой восторженный и юный,
совсем не ей тот апельсин не дам откусать.
И, дёргая нейлоновые струны,
я увожу акцент от слова «слушай».
И знаете, что самое смешное:
мне могут нравиться картины той и этой,
а могут раздражать... Стеной сплошную
сочатся по обочине эстеты.
И я уже забуду через месяц,
что так хотел... с которой не рисует,
и неэстетам в спины брошу: «смейся».

Смешон поэт, который не рискует.

24 ноября 2008 года

Мать счастья

Мудрость – родная мать счастья
(Софокл)

Мудрость банальна.
Порою куда банальнее глупости.
Она, как и секс, бывает анальная.
Где тонко, там и рвётся.
Потом не сидится.
Синицы исчезли как вид,
а журавли просто вымысел.
Урвали кусочек – вымылись,
и вновь за счастьем,
как дети.
Мудрость разбита на части
и кроется в тусклом свете
у каждого то в глазу, то в сердце,
и в пригоршне сестерций,
оставленных в твоём сне
по прочтении Бродского.
Наряды подруг неброские,
когда пробуждаешься.
И ты опять не нуждаешься
в моей подсказке.
Я сочиняю сказки.
В том числе и про мудрость.
Они банальны.
Мудрость бывает разной,
в том числе и вербальной.
Последней не очень-то верится...
Простите – схожу проветриться.

25 ноября 2008 года

Дядя Коля

1

В нашем дворе раньше жил дядя Коля.
Колю никто никогда не неволил
быть вечно трезвым...
И Коля им не был.
В лёгком подпитии глядя на небо,
нам, детворе, он всегда улыбался,
и постепенно тихо спивался.

Нам это не было, правда, заметно.
Так проходили лето за летом,
осени, зимы и вёсны, конечно.
Коля, как Брежнев, казался нам вечным:
в том же потрёпанном сером жакете
и чуть проеденном молью берете.

То он подбросит пропущенный мячик.
То вдруг с букетом дурным замаячит
рядом с сидящими в вечных косынках
бусями...

«Помните, сынки,
бабушек ваших»
Мы вроде их помним.

Время.

Давно тем двором мы не ходим.
Страны другие, в которых нет пьяных.
Даже бомжи ходят в куртках не рваных.
Нету подъездов (и бабушек нету),
как на вопросы разумных ответов.

2

Что же волнует нас, взрослых и умных?
Прошлым набитые тёмные трюмы?
Судьбы соседей, чьи лица забыты?

Выводов чётких – явный избыток.

Много на свете грусти и боли.
Кто из нас вспомнит теперь дядю Колю.
Кем был он раньше?

Когда точно сгинул?
Снова ловлю мяч, который он кинул.

Сколько их было, беззлобных и тихих.

Стыдно сегодня, что выдумал стих я
задним числом.

Что давал им спиваться.
Смог ли тот мальчик понять ситуацию?.

Ночь над моими стихами ложится.
Совести хватит мне вам не божится,
что если б смог я в то время причалиться,
я бы помог дяде Коле...

Случается.

Странно.

Зачем я тогда эти вирши
вам показал?

Дождь ударил по крышам
и ручейками бежит по бетону.

Память.

Мы все в своём роде бездомны.

3

В нашем дворе раньше жил дядя Коля.
Колю никто никогда не неволил
быть вечно трезвым...

И Коля им не был.
Звёзды всё те же бродят по небу.

26 ноября 2008 года

Корреляция (Привыкший к пониманию)

...Т. З.

Эта скамейка – начало дороги к осени.
Зелёная, но упирается в жёлтые листья.
Не вижу, но кто-то щекочет мне щеки косами,
и тщетно пытается с этой скамейкой слиться.

Вы не смущайтесь, мне пальцем висок покручивая.
Мне не обидно. Я к пониманью привыкший.
Для вас та скамейка лишь нечто в опавших сучьях.
А я в их компанию хитростью так проникший.

Я точно знаю – у осени есть водолазка
из серых, зелёных, белых и чёрных линий.
Я слышал, как славно она сочиняет сказки,
которые к вечеру спрячет в портьерах ливней.

Если кто-то со мной заведёт беседы о лете,
я просто не стану спорить. Пускай щебечут...
Её голубые глаза в оправе из веток
пронзают насквозь. И странно... при этом лечат.

Косы щекочут щёки. Доски ведут в ноябрь.
Те, кто её не видят – всё те же люди.
Я сквозь оправу веток кажусь ей храбрым.
Она мне сейчас подарит из листьев штрудель.

Мне снова никто не поверил. Оно мне нужно?
Ведь видел её глаза я в очках из веток.
Пусть доски скамейки воткнутся
в декабрь вьюжный.
Мне хватит теперь, надеюсь, песен и света.

28 октября – 30 ноября 2008 года

ЭННЫЙ ПОЛУСТАНОК

Евгению Клячкину

Свободен – значит, одинок.
Не парадокс – банальный выбор.
Метнутся стайкой из-под ног
невозмутимо, словно рыбы,
слова и тени этих слов
сквозь пыль и вечное сомненье.
Не ледоруб и не весло
в пространстве вызовут волненье.

Вставай с колен: читать следы
в широтах этих, парень, глупо.
Свободен – значит, до беды
и до любви шагать и хлюпать
походкой чёткою, как слог,
по буквам падающим снегом.
Плечо заденет за отрог
преграды, собранной из «лего».

Свободен – значит, не нашёл,
и эту блажь ещё не бросил.
Чуть различимо «хорошо»
воткнёшь ты в Землю новой осью.
А за спиной цепочка дат
под песнями: а ля зарубки.
И недоступная звезда
быть продолжает самой хрупкой.

Свободен – значит, снова – ты.
Непонятый, хотя доступный.
Среди галдящей пустоты
желаньями встают уступы.
Рука, объятья, поцелуй...
исчезнут энным полустанком.
Свободен – значит, зафрахтуй
вновь одиночество подранком.

28 декабря 2008 года

Иллюзия иллюзии

Я всегда ношу в карманах шарики.
Шарики из слёз и хрустала.
Ты однажды тоже станешь маленькой,
пальцами их нервно шевеля.
Переставь местами явь и прошлое.
Забегу на пару снов вперёд.
Новый Год укроет всех порошею,
как щенков в корзинку подберёт.

Ты поверь, что это не алхимия,
отливать из слова серебро.
Станут тени наши тёмно-синими.
Упадёт монетка на ребро.
Нет чудес. Есть залы ожидания
с потолком из звёзд: на всех одним.
Шарики вертеть – не просто мания,
пусть и выглядит тому слегка сродни.

Снегопад укроет всех порошею
и затихнет. Я подброшу вверх
шарики мои печалей крошевом
и услышу твой счастливый смех.
Шарики взлетят и не воротятся.
Звёзд прибудет в мёрзлой синеве.
Серебро на небе не испортится
(пусть сомненье выглядит верней).

Ты поверь, что это не иллюзия,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.